

SBORNÍK
FILOSOFICKÉ FAKULTY
UNIVERSITY KOMENSKÉHO V BRATISLAVĚ
ROČNÍK III. ČÍSLO 32. (6.)

ПРОФ. ВАЛЕРІЙ ПОГОРЬЛОВЪ:

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ
ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКОЙ
ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. ЛАТИНСКОЕ ВЛІЯНІЕ В ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

*II. УПОТРЕБЛЕНІЕ ФОРМЪ ПРОШЕДШАГО СЛОЖНАГО
ВЪ ТЕКСТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.*

V BRATISLAVĚ 1925.

VYDALA FILOSOFICKÁ FAKULTA UNIVERSITY KOMENSKÉHO
S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁRODNÍ OSVĚTY.

TISKEM STATNÍ TISKÁRNY V PRAZE.

I.

Вопросъ о вліяніи латинскаго текста на славянскій переводъ Евангелія затронуть былъ между прочимъ акад. И. В. Ягичемъ въ его послѣднемъ трудѣ: „Zum altkirchenslawischen Apostolus“. Wien 1919—1923. III, стр. 99. Приведённый имъ (III, стр. 111) примѣръ такой зависимости: греч. ἑλληνίς — слав. поганѣни при лат. gentilis (Мр. 7₂₈) является дѣйствительно очень характернымъ.

Я сравнивалъ славянскій текстъ Евангелія отъ Марка (по изданіямъ Мар. Ев., Зогра. Ев., Ассем. Ев. и Савв. кн.; труда проф. Г. А. Воскресенскаго „Евангеліе отъ Марка“ я, къ сожалѣнію, достать не могъ) съ греческимъ текстомъ¹⁾ и съ латинской Вульгатой²⁾ и натолкнулся на рядъ интересныхъ явленій.

Конечно, только изъ латинскаго текста могла быть перенесена луна (luna, σελήνη Мр. 13₂₄, ср. также Мѡ. 24₂₈, Лк. 21₂₅, но σεληνίαζομαι — lunaticus sum — мѣсячныя недѣлѣ имѣща Мѡ. 4₂₄, бѣсновати на новы мѣсяцѣ Мѡ. 17₁₅), слово, которое не употребляется вообще въ славянскихъ языкахъ: русское *луна* и польское *luna* при различіи ихъ значеній являются новыми заимствованіями. Многія слова получаютъ своё объясненіе именно посредствомъ латинскаго текста, а не греческаго; такъ слав. проповѣдаѣ (κηρύσσων, praedicans, Мр. 1_{4, 7}), проповѣдано бѣдетъ (κηρυχθῆ, praedicatum fuerit, Мр. 14₉) составлено именно по латинскому образцу: про-повѣдати = praedicare.

Большое затрудненіе для славянскаго переводчика должно было представить греческое слово καιρός съ производными отъ него; но такъ какъ латинскій переводчикъ понимаетъ его обыкновенно въ смыслѣ просто tempus, то и въ слав. = вѣмѣ (Мр. 13₃₃); подобнымъ же образомъ и πρόσκαιροι — въ лат. temporales и въ слав. вѣмѣньни (Мр. 4₁₇), но εὐκαιρου переведено въ лат. уже иначе — opportunus, поэтому иначе и въ слав. потрѣбнѣнѣ (Мр. 6₂₁), инымъ ещё образомъ переданъ глаголь οὐδὲ φαγεῖν εὐκαιρουν — лат. nec spatium manducandi habebant, ср. слав. і не бѣ имѣ коли понѣ ѣсти (Мр. 6₃₁). Широкое понятіе греч. ἐν τῷ ἐλαύνειν суживается въ латинскомъ — in remigando, которому вполне соотвѣтствуетъ и слав. къ грѣбни (Мр. 6₄₅); подобнымъ же образомъ сужено общее понятіе наказанія

¹⁾ H. von Soden. Die Schriften des Neuen Testaments (Text u. Apparat). Göttingen. 1913.

²⁾ Fr. Brandscheid. Nov. Testamentum latine. Ed. altera. Friburgi Brisg. 1901

греч. ζημιωθῇ въ лат. detrimentum faciat и слав. отъштѣтитъ (Мр. 8₃₆).

Греч. κώμη передаётся обыкновенно латинскимъ словомъ vicus, славянскимъ въсь, но Мр. 6₆ находимъ въ слав. градъца, такъ какъ въ латинскомъ стоитъ въ этомъ мѣстѣ — castella, ср. также градыць = castellum Мѹ. 14₁₅, Іо. 7₄₂, 11₁; правда, мы часто видимъ и слав. въсь при лат. castellum (Мѹ. 9₃₅, 10₁₁, 21₂, Мр. 8₂₇, 11₂, Лк. 5₁₇, 8₁, 9₉, 12₅₆, 10₃₈, 13₂₂, 17₁₂, 19₃₀, 24₁₃, 28₁, Іо 11₃₀), но *никогда* не найдёмъ градыць при лат. vicus. Слав. на коньчинѣ *ѣсть* (Мр. 5₂₃) можетъ быть переводомъ только латинскаго — in extremis est, но не греч. ἐσχάτως ἔχει. Можно думать, что и выраженіе мѣжа и жѣнѣ (Мр. 10₆) является переводомъ лат. masculum et feminam, а не греч. ἄρσεν καὶ θῆλυ; на греческій текстъ скорѣе указываетъ переводъ того же выраженія въ апракосномъ чтеніи Мѹ. 19₄: мѣжъскъ полъ и жѣнъскъ. Слав. въ рожденіи своимъ единственнымъ числомъ скорѣе соотвѣтствуетъ лат. in cognatione, чѣмъ греч. ἐν τοῖς συγγενεῦσιν (Мр. 6₄).

Греч. φωνεῖν обыкновенно переводится слав. възгласити (Мѹ. 20₃₂, 26₃₄, 74₁, 75₁, Мр. 10₄₉, 72₁, 14₃₀, Лк. 8₈, 54₁, 22₃₄, 40₁, 61₁, 23₂₀, 46₁, Іо. 1₄₉, 13₃₈, 18₂₇ = лат. vocare, vocem dare, clamare, loqui), но Мр. 14₆₈, 72₁ — въспѣтъ, потому что въ лат. cantavit. Говоря о принесеніи больныхъ, греч. текстъ употребляетъ обыкновенно слово φέρουσιν, но въ Мр. 7₃₂, 8₂₂ этому соотвѣтствуетъ adducunt — и въ слав. находимъ прикѣса (приведоша).

Иное греческое слово передаётся двумя славянскими въ соотвѣтствіи съ такимъ же латинскимъ переводомъ:

μάτην — въ соѣ — in vanum Мр. 7₇;

εὐχαριστήσας — хвалѣ въздакъ — gratias agens Мр. 8₆, 14₂₃;

εἰρηνεύετε — миръ имѣйте — pacem habete Мр. 9₅₀;

μοιχᾶται — прѣлюбъ творитъ — adulterium committit Мр. 10₁₁;

ἐκεφαλαίωσαν — пробиша главѣ — in capite vulneraverunt
Мр. 12₄;

παρατιθῶσιν αὐτοῖς — полагаютъ прѣдъ ними — ponent
ante eos Мр. 6₄₁;

можетъ быть, сюда же слѣдуетъ причислить и выраженіе: ἡκούσθη — слоухъ въстѣ — auditum est, Мр. 2₁.

Греческія причастія и нарѣчія иногда замѣняются въ латинскомъ текстѣ прилагательными; находимъ мы такія прилагательныя въ иныхъ случаяхъ и въ слав. переводѣ:

ἰσχύοντες — sani — съдракии Мр. 2₁₇;

ἐξεραιμένην — aridam — соухѣ Мр. 3₁;

πεζῇ — pedestres — пѣшии Мр. 6₃₃;

τοὺς κύκλῳ — proximas — окръстѣннихъ Мр. 6₃₆;

ἐπάνω — plus — вѣшѣ Мр. 14₆.

Греч. прилагательное въ положительной степени — μέγας передаётся сравнительной степенью *κωσтини*, такъ какъ въ лат. *maior* Мр. 10₄₃, и наоборотъ греч. превосходная степень ἐν τοῖς ὑψίστοις переводится положительной въ *кышъннхъ*, какъ въ лат. *in excelsis* Мр. 11₁₀.

Одной изъ особенностей славянскаго перевода является передача опредѣленія, выраженнаго существительнымъ въ родит. пад., посредствомъ производнаго прилагательнаго, поэтому выраженія *късѣ иудейска страна* или *иорданъсцѣн рѣцѣ* (Мр. 1₅) соотвѣтствуютъ латинскимъ *omnis Judaeae regio, Jordanis flumine*, а не греческимъ *πᾶσα ἡ Ἰουδαία χώρα, τῷ Ἰορδάνῃ ποταμῷ*. Сходное значеніе имѣетъ и выраженіе: *на землѣхъ ѣнисаретъскѣхъ* при лат. *in terram Genesareth*, но греч. ἐπὶ τὴν γῆν εἰς Γεννησαρέτ Мр. 6₅₃.

Мѣстоименіе притяжательное *свой* является иногда скорѣе переводомъ лат. *suus*, чѣмъ соотвѣтствующихъ греч. выражений: *все свое* — *omnia sua* — τὰ παρ' αὐτῆς πάντα Мр. 5₂₆, *ризъ свои* — *vestimentis suis* — τὰ ἱμάτια τὰ ἴδια Мр. 15₂₀, *единъ отъ оученикъ своихъ* — *unus ex discipulis suis* — εἷς ἐκ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ Мр. 13₁; въ послѣднемъ случаѣ больше было бы на мѣстѣ *ego*, чѣмъ *своихъ*.

Изъ другихъ мѣстоименій обращаетъ на себя вниманіе — *въ себѣ* при греч. πρὸς ἑαυτούς, но лат. *intra semetipsos* (Мр. 14₄), и *между собою* при греч. ἐν ἀλλήλοις, лат. *inter vos* (Мр. 9₅₀): обыкновенно греч. ἀλλήλοις въ соединеніи съ различными предлогами находятъ себѣ соотвѣтствіе въ лат. *alteruter* и слав. *дрогъгъ дрогъга, дрогъгъ къ дрогъгоу* и т. п. (Мѡ. 24₁₀, 25₃₂, Мр. 4₄₁, 8₁₀, 9₃₄, 15₂₁, Лк. 2₁₅, 4₃₆, 6₁₁, 7₃₂, 12₁, 20₁₄, Іо. 5₄₄, 13₁₄, 34, 15₁₂, 17), такъ что отступающій отъ этого славянскій переводъ можетъ объясняться лишь латинскимъ текстомъ.

Въ области употребленія глагольных формъ отмѣтимъ добавленіе вспомогательнаго глагола тамъ, гдѣ его нѣтъ въ греческомъ текстѣ, но есть въ латинскомъ:

οἱ μετ' αὐτοῦ — qui cum illo erant — *иже бѣахъ съ нимъ* (Мр. 1₃₈),
τί ὄνομά σοι — quod tibi nomen est — *како ти естъ имя* (Мр. 5₉),
λεγεὼν ὄνομά μοι — legio mihi nomen est — *леѣионъ мѣнѣ естъ имя* (Мр. 5₉),

τοὺς μετ' αὐτοῦ — qui secum erant — *иже бѣша съ нимъ* (Мр. 5₄₀),

τὰ τοῦ Θεοῦ ἀλλὰ τὰ τῶν ἀνθρώπων — quae Dei sunt, sed quae sunt hominum — *ѣже сѣтъ бжѣѣ, нѣ ѣже сѣтъ чловѣчьска* (Мр. 8₃₃),

τίς μείζων — quis eorum major esset — *кто естъ болєи* (Мр. 9₃₄),

καλὸν τὸ ἅλας — bonum est sal — *добро естъ соль* (Мр. 9₅₀),
τί τὸ σημεῖον — quod signum erit — *коє бждетъ знаменіе* (Мр. 13₄),

οἱ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ — qui in Judaea sunt — иже бѣдѣхуть въ
 иудеѣ (Мр. 13₁₄),
 αἱ ἐν τοῖς οὐρανοῖς — quae in caelis sunt — иже сѣхуть на
 нбсхѣхъ (Мр. 13₂₅),
 πρόθυμον — promptus est — естъ бѣдрѣхъ (Мр. 14₃₈).

Формы страдательного залога передаются обыкновенно причастіемъ прошедш. врем. страдат. зал. въ соединеніи съ соотвѣтствующими формами вспомогательнаго глагола, какъ въ латинскомъ текстѣ:

γέγραπται — scriptum est — естъ писано (Мр. 1₂, 9₁₃, 14_{21, 26}),
 οὐ γέγραπται — nonne scriptum est — нѣстъ ли писано
 (Мр. 11₁₇),
 ἐσώζοντο — salvi fiebant — съпасени бываахъ (Мр. 6₅₆),
 σωθῆναι — salvus fieri — спснѣхъ быти (Мр. 10₂₆),
 σωθήσεται — salvus erit — спснѣхъ бѣдетъ (Мр. 13₁₃, 16₁₆),
 οὐκ ἂν ἐσώθη — non fuisset salva — не би была съпасена
 (Мр. 13₂₀),
 ἡτοίμασται — paratum est — естъ оуготовано (Мр. 10₄₀),
 κηρυχθῆ — praedicatum fuerit — проповѣдано бѣдетъ (Мр. 14₉),
 ἐθεάθη — visus esset — видѣхъ бысть (Мр. 16₁₁).

Въ приведенныхъ примѣрахъ особенно интересно совпаденіе формъ времени латинскаго текста со славянскимъ.

Сравнивая между собой славянскій и греческій тексты, мы вообще замѣчаемъ, что слав. переводчикъ старался точно соблюсти форму времени и передавалъ греч. аористъ (лат. perfectum) — слав. аористомъ, греч. (и лат.) imperfectum — слав. преходящимъ временемъ; только часто встрѣчающееся въ Ев. отъ Марка praesens historicum онъ систематически передавалъ аористомъ (не настоящимъ врем.). Можно думать, что и здѣсь вліялъ латинскій текстъ, гдѣ мы часто видимъ perfectum на мѣстѣ греч. praesentis historici:

ἐκβάλλει — expulit — извѣде (Мр. 1₁₂),
 ἔρχεται — venit — приде (Мр. 6₄₈, 14_{32, 37, 41}),
 ἔρχονται — venerunt — придохъ (Мр. 2₃, 12₁₈),
 χαλῶσι — submiserunt — съвѣсиша (Мр. 2₄),
 προσκαλεῖται — vocavit — призъва (Мр. 3₁₃),
 θεωροῦσιν — viderunt — видѣша (Мр. 16₄),
 λέγει — dixit — глагола (Мр. 6₅₀, 11₂₁, 14₆₁),
 λέγουσιν — dixerunt — глаголаша (Мр. 6₃₇),
 ἀγγαρεύουσιν — angariaverunt — задрѣша (Мр. 15₂₁),
 εὗρίσκει — invenit — обрѣте (Мр. 14₃₇).

Слѣдованіе латинскому употребленію формъ особенно характерно въ слѣдующемъ примѣрѣ:

ἔξεστιν — licet — достонѣтъ (Мр. 3₄), но ἔξεστιν — licebat — достонѣше (Мр. 2₂₆).

Въ латинскомъ текстѣ иногда греч. причастію соотвѣтствуетъ цѣлое придаточное опредѣлительное предложеніе, то же встрѣчаемъ и въ славянскомъ:

ὁ κακολογῶν — qui maledixerit — иже зѣлословитѣ (Мр. 7₁₀),
τὰ μέλλοντα αὐτῷ συμβαίνειν — quae essent ei eventura — еже хотѣше быти емоу (Мр. 10₃₂)

ὁ πιστεύσας καὶ βαπτισθεὶς... ὁ δὲ ἀπιστήσας — qui crediderit et baptizatus fuerit... qui vero non crediderit — иже вѣрж иметѣ и крѣститѣ сѧ... а иже не иметѣ вѣрж (Мр. 16₁₈).

Сравнимъ ещё сходные обороты: εἰ μὴ ἵνα φανερωθῇ — quod non manifestetur — еже не авитѣ сѧ (Мр. 4₂₂),
τὴν κατέναντι ὑμῶν — quod contra vos est — ѣже естѣ прѣмо вама (Мр. 11₂).

Греческій оборотъ ὥστε с. infin. передаѣтся по латыни обыкновенно — ut с. verbo finito: verbum finitum находимъ часто и въ славянскомъ переводѣ,

ὥστε μηκέτι αὐτὸν δύνασθαι — ut iam non posset — ѣко кто-моу не можааше (Мр. 1₄₅),

ὥστε μηκέτι χωρεῖν — ut non caperet — ѣко къ томоу не вѣмѣшаахж сѧ (Мр. 2₂),

ὥστε ἐξίστασθαι — ut mirarentur — ѣко дивлѣхж сѧ (Мр. 2₁₂),

ὥστε ἐπιπίπτειν — ut irruerent — ѣко нападахж (Мр. 3₁₀),

ὥστε αὐτὸν καθῆσαι — ut sederet — ѣко самѣ сѣдѣаше (Мр. 4₁).

И въ другихъ случаяхъ употребленія infinitivi въ греч., славянскій переводъ слѣдуетъ иногда латинскому тексту:

αὐτὸν παραπορεύεσθαι — cum ambularet — мимоходѣщую емоу (Мр. 2₂₃),

ἐν τῷ σπείρειν — dum seminat — егда сѣаше (Мр. 4₄),

διὰ τὸ μὴ ἔχειν (bis) — quoniam non habuit... quod non habebat — зане не имѣаше (2 раза) (Мр. 4_{5, 6}),

μετὰ τὸ ἐγερθῆναί με — postquam resurrexero — потомъ егда вѣскрѣснж (Мр. 14₂₈),

Въ Мр. 1₆ латинскій переводчикъ правильно передалъ греч. выраженіе: ἐνδεδυμένος τρίχας καμήλου καὶ ζώνην δερματίνην περὶ τὴν ὀσφύν αὐτοῦ — словами: vestitus pilis cameli et zona pellicea circa lumbos ejus, но славянскій переводчикъ понялъ zona pellicea не какъ ablativus, а какъ nominativus и поставилъ: облачєнъ власы вѣльбжжди и поѣсѣ оу҃снѣнъ о чрѣслѣхъ его.

Больше всего затрудненій представляетъ вопросъ о текстуальной зависимости славянскаго перевода отъ латинскаго. Мы

можемъ иногда указать случаи, гдѣ славянскій текстъ расходится съ общепринятымъ греческимъ и согласуется съ латинскимъ; конечно, иныя особенности текста могли возникнуть именно подъ перомъ латинскаго переводчика, однако при массѣ вариантовъ, даваемыхъ греческими списками, всегда есть возможность предполагать, что извѣстная особенность латинскаго текста найдётъ себѣ отраженіе въ той или иной греческой рукописи, можетъ быть, ещё неизвѣстной. Поэтому ограничимся немногими наиболѣе характерными примѣрами.

Въ греч. текстѣ Мр. 3_{7,8} два раза читается πλῆθος πολύ, въ латинскомъ же — 3₇ — multa turba, 3₈ — multitudo magna, подобное же различіе и въ славянскомъ: 3₇ мѣногъ народъ, 3₈ мѣного мѣножество. Наоборотъ, Мр. 1₁₈ въ греч. ἡκολούθησαν αὐτῷ, а Мр. 1₂₀ ἀπὸ πλῆθους ὁπίσω αὐτοῦ, въ латинскомъ же въ обоихъ мѣстахъ одинаково — secuti sunt eum, также одинаково и въ славянскомъ: по немъ идете.

Мр. 10₄₆ при греч. ἱκανοῦ ὄχλου, лат. plurima multitudo — народоу мѣногоу, (въ другихъ случаяхъ ἱκανός = слав. достоннъ, лат. dignus, ср. Мѣ. 3₁₁, 8₈, Мр. 1₇, Лк 3_{16,7,6});

Мр. 12₃₀ и 3₇ въ греч. только αὐτός, въ латинскомъ съ добавленіемъ союзовъ: ipse enim... ipse ergo, подобнымъ же образомъ и въ слав.: тѣ бо... самъ оубо.

Мр. 13₈₋₉ употреблены формы страдат. зал.: ἀναστήσεται... σταθήσεσθε, переданныя въ лат. текстѣ формами дѣйств. зал.: exsurget... stabitis, ср. слав. вѣстанетъ... станете.

Мр. 14₈ ὃ ἔσχεν ἐποίησεν, лат. съ добавленіемъ мѣстоименія: quod habuit, haec fecit, въ слав.: еже имѣ си створи.

Мр. 15₂₇ въ греческомъ дважды повторяется одно и то же слово: ἓνα... ἓνα, въ лат. внесено различіе: unum... alium, ср. слав. единого... другогаго.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на указанные явленія совпаденія славянскаго текста съ латинскимъ? Не доказываютъ ли они, что славянскій переводъ Евангелія былъ сдѣланъ съ латинскаго оригинала? — Конечно, нѣтъ: количество совпаденій славянскаго текста съ латинскимъ въ сущности очень невелико, такъ что они представляются скорѣе исключеніями, да и значеніе ихъ очень неодинаково. Съ другой стороны, уже одинъ звуковой видъ собственныхъ имёнъ и словъ, оставшихся безъ перевода въ славянскомъ текстѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что оригиналъ перевода былъ именно греческій. Какъ же объясняется въ такомъ случаѣ отмѣченное латинское вліяніе?

Въ языкѣ перевода мы замѣчаемъ нѣкоторыя западно-славянскія особенности: не оумѣхж чѣто бж стѣвѣшталн — οὐκ ᾔδεισαν, τί ἀποκριθῶσιν — ignorabant quid responderent (Мр. 14₄₀), не оумѣхж ни стѣвѣмъ чѣто ты глши — οὐτε οἶδα οὐτε ἐπίσταμαι

σύ τί λέγεις — neque scio neque novi quid dicas (Мр. 14₆₈), ср. въ этомъ значеніи польск. umiem, чш. umím; али себе — ἑαυτόν — seipsum (Мр. 15₃₁), ср. зап.-слав. ale; хризъмъ, хризъмънаѣ — μύρον — unguenti (Мр. 14_{3,45}), похризмити — μυρίσαι — ungere (Мр. 14₉), ср. križma; оцѣтѣно — ἐσμυρνισμένον — myrrhatum, ср. зап.-слав. ocet изъ лат. acetum. Среди западныхъ славянъ, несомнѣнно, было распространено знакомство съ латинскимъ языкомъ; такъ въ житіи св. Меѳодія прямо говорится о св. Гораздѣ, что онъ былъ оученъ добрѣ къ латинскы книги; акад. А. И. Соболевскій³⁾ указалъ рядъ переводовъ съ латинскаго, сдѣланныхъ, повидимому, въ Моравіи. Наконецъ, въ самомъ переводѣ Евангелія есть ясное свидѣтельство знанія латинскаго языка: если переводчикъ передаётъ греч. κεντιορίων словомъ сътъникъ, значить онъ понимаетъ, что подъ этимъ греч. словомъ кроется лат. centurio, и знаетъ, что оно значить. При такихъ условіяхъ является вполне понятнымъ и естественнымъ, что переводчикъ въ болѣе затруднительныхъ случаяхъ обращался и къ латинскому тексту и заимствовалъ оттуда то или другое выраженіе, ту или другую форму.

Къ сказанному мнѣ хочется добавить ещё нѣсколько словъ. Въ 1912 г. въ журналѣ „Indogermanische Forschungen, XXXI Band“ появилась статья проф. Э. Бернекера „Kyrills Uebersetzungskunst“ (стр. 399—412). Авторъ на основаніи своихъ очень интересныхъ наблюденій и сопоставленій по переводу Евангелія приходитъ къ заключенію о весьма высокомъ достоинствѣ этого перевода, сдѣланнаго св. Константиномъ (Кирилломъ); онъ видитъ это умѣнье переводчика выражающимся особенно въ удачномъ подборѣ синонимовъ для передачи одного и того же греческаго слова. Вполнѣ признавая и раздѣляя эти выводы автора, я думаю всё таки, что не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что вопросъ о количествѣ переводчиковъ Евангельскаго текста остаётся ещё открытымъ, какъ совершенно справедливо отмѣтилъ въ вышеуказанной своей книгѣ акад. И. В. Ягичъ (III, стр. 102). Кромѣ того надо обратить вниманіе и на то, что извѣстныя основанія къ различенію оттѣнковъ значенія греческихъ словъ могъ дать переводчику и латинскій текстъ.

Такъ, проф. Э. Бернекеръ (стр. 406) ставитъ вопросъ, почему греч. χώμη переводится то късь, то градыць? Выше мы указали, что этотъ вопросъ разрѣшается латинскимъ текстомъ, гдѣ въ однихъ случаяхъ читается vicus, въ другихъ — castellum. Подобнымъ же образомъ и греч. ἡλικία (стр. 400) переводится къздрасть, гдѣ по латыни aetas (Io. 9_{21, 23}, Лк. 2₅₂), но тѣло, гдѣ въ латинскомъ — statura, (Мѳ. 6₂₇, Лк. 12₂₆, 19₃).

Греч. χώρα (стр. 400) переводится страна въ соотвѣтствіи

³⁾ Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи Спб. 1910. — III. Словарный матеріалъ двухъ древнихъ памятниковъ чешскаго происхожденія.

съ лат. regio (Лк. 2₈, 15₁₃, 21₂₁, Мѡ. 8₂₈) и нива, гдѣ въ лат. ager (Лк. 12₁₆).

Греч. συμπνίγειν (πνίγειν — тамъ же) переводится постоянно въ латинскомъ текстѣ suffocare (Мѡ. 13₂₂, 18₂₈, Мр. 4_{7, 19}, Лк. 8₁₄) слав. давити, подавити, но Лк. 8₄₂ — comprimere, тутъ и слав. текстъ даётъ соотвѣтствующее слово о҃гнѣтаахѣ.

Греч. ῥήγνυμι, слав. прѣсадити (Мѡ 9₁₇ Мр. 2₂₂ Лк. 5₃₇) или растрѣгнѣти (Мѡ 7₆) при латинскомъ rumpere, dirumpere, но разбиваѣтъ (Мр. 9₁₈) при лат. allidit, покрѣже (Лк. 9₄₂) при лат. elisit.

Греч. κατάγνυμι (стр. 401) — слав. прѣломитѣ при лат. confringet (Мѡ 12₂₀), но прѣбнѣтъ при лат. frangere (Іо 19_{31, 32, 33}).

Греч. ξηραίνομαι (стр. 402) обыкновенно находитъ себѣ соотвѣтствіе въ лат. aresco (Мѡ 13₆ 21₂₀, Іо 15₆, Мр. 9₁₈), слав. исхѣхнѣти, (Мр. 9₁₈ оцѣпѣхнѣти), но Мр. 5₂₉ siccatus est — слав. исхѣхнѣ.

Ἐσθίω, слав. сѣхнѣсти, обыкновенно лат. devorare (Мр. 12₁₀, Лк 15₃₀, 20₄₇), но comedere (Мр. 4₄ Лк 8₅), слав. позобати.

Гр. ὁδηγεῖν (стр. 404), лат. ducatum praestat — слав. водитѣ (Мѡ 15₄), но лат. docebit — слав. настаивитѣ (Іо 16₁₃).

Греч. κατασκηνώω (стр. 405) обыкновенно передаѣтся латинскимъ habitare (Мѡ 13₃₂, Мр. 4₃₂) и славянскимъ витати, но Лк. 13₁₉ — requieverunt, и въ славянскомъ — въсеаиша сѣ.

Нарѣчіе καθ' ἑξῆς переводится слав. словомъ по рѣдоу тамъ, гдѣ по латыни ex ordine (Лк. 1₃), и словомъ потомъ, гдѣ въ латинскомъ — deinceps (Лк. 8₁).

Греч. ἐπιθυμία (стр. 408) передаѣтся слав. похоть, гдѣ въ латинскомъ текстѣ concupiscentia (Мѡ 5₂₈, Мр. 4₁₉), но гдѣ по латыни сказано: desiderio desideravi (Лк. 22₁₅), тамъ по славянски: желѣніемъ се въждаѣхѣхѣ.

Такимъ образомъ и эти случаи указываютъ на то, что переводчикъ заглядывалъ иногда и въ латинскій текстъ.

Братислава, апр. 1925 г.

II.

Въ греческомъ текстѣ Евангелія славянскій переводчикъ находилъ только простыя прошедшія: imperfectum, aoristus, perfectum, plusquamperfectum, и, какъ неразъ ужъ было отмѣчаемо изслѣдователями, старался передавать ихъ соотвѣтствующими славянскими образованіями: imperfectum — слав. преходящимъ (имперфектомъ), aoristus и perfectum — слав. аористомъ. Ср. A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. I-re partie, Paris 1902, p. 82. „L'imparfait slave traduit régulièrement l'imparfait grec par opposition à l'aoriste“, p. 85. „Dans Év. l'aoriste slave traduit indifféremment l'aoriste et le parfait du grec; et en effet, à la date où a été faite la traduction slave, le parfait n'était plus distingué de l'aoriste par les Grecs eux-mêmes“. Въ болѣе новой работѣ г. Grünenthal'я этотъ фактъ подтверждается указаніемъ на немногочисленность отступленій отъ правильнаго соотвѣтствія (Archiv für slav. Philologie, Bd. 32. „Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, S. 17.).

Однако, не смотря на это стремленіе переводчика держаться возможно ближе къ оригиналу, встрѣчаются случаи передачи греческаго aorist'a (и perfect'a) посредствомъ формъ славянскаго прошедшаго сложнаго (т. е. сочетанія причастія на -лъ съ формами глагола *есмь* и пр.).

Тутъ невольно является вопросъ, почему переводчикъ, имѣя въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующую форму аориста, считаетъ необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ замѣнѣ ея иною формою? Какая причина вызывала это? — Уже А. А. Потебня въ своей книгѣ: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ, 2 изд., Харьковъ, 1888 г.“ задаетъ себѣ этотъ вопросъ, но оставляетъ его безъ отвѣта: (стр. 256) „Сравненіе сочетанія -лъ *есмь* въ Остр. ев. съ замѣняемыми имъ греческими формами не даетъ никакого руководства для опредѣленія его значенія. Различныя греческія формы замѣняются въ славянскомъ одною и наоборотъ“, и онъ приводитъ примѣры такой произвольной замѣны: Мѡ. 24₂₅ жьнѣ идеже нѣси сѣялъ (θερίζων ὅπου οὐκ ἔσπειρας), и Мѡ. 24₂₆ жьнѣ идеже не сѣяхъ (θερίζω, ὅπου οὐκ ἔσπειρα), или Лк. 23₃₅ инѣхъ есть съпаслъ. Да спстъ и сѣ (Ἄλλους ἔσωσε, σωσάτω ἑαυτον), но Мр. 15₃₁ ины съпасае, а себе ли не можетъ съпасти (Ἄλλους ἔσωσεν, ἑαυτὸν οὐ δύναται σῶσαι), или Лк. 8₅₂ нѣстъ оумрѣла нѣ съпить (οὐκ ἀπέθανεν ἀλλὰ καθεύδει), но Мѡ.

9₂₄ не оумърѣ бо дѣвица нѣ съпитъ — οὐ γὰρ ἀπέθανε τὸ κοράσιον, ἀλλὰ καθεύδει и др.

Проф. А. Meillet въ вышеуказанной книгѣ также останавливается на этомъ вопросѣ: р. 91, „Auxiliaire *jesmī*. Cette forme traduit tantôt l'aoriste et tantôt le parfait de l'original... On conçoit donc que les traducteurs aient éprouvé souvent un grand embarras et aient hésité dans l'emploi de l'aoriste et de la forme à auxiliaire... Dans Év., l'aoriste est beaucoup plus fréquent que la forme à auxiliaire, ce qui peut expliquer par l'influence de l'original où le traducteur lisait toujours une forme une; mais en revanche, la forme à auxiliaire a d'ordinaire tout son sens propre là où elle est employée; elle exprime un état atteint à la suite d'une action une fois faite... Mais il y a aussi des cas où l'on ne perçoit guère de différence entre les deux formes.“ Такимъ образомъ, послѣдними словами проф. А. Meillet, не смотря на сдѣланную имъ попытку объясненія этого явленія, въ сущности соглашается съ Потебней въ произвольности употребленія формъ прош. сложнаго.

Мнѣ кажется однако, что положеніе этого вопроса не такъ безнадежно; слѣдуетъ только попытаться болѣе детально рассмотреть это явленіе и тогда самъ собою явится и болѣе опредѣленный отвѣтъ. Такъ, когда мы разсматриваемъ случаи примѣненія формъ прошедшаго сложнаго, то наше вниманіе прежде всего останавливается на фактѣ количественнаго различія въ употребленіи этихъ формъ: въ то время какъ можно насчитать свыше 50 случаевъ употребленія формы 2 л. ед. ч., прочія формы встрѣчаются очень рѣдко (въ общей сложности около 30 разъ). Если мы далѣе сравнимъ количество случаевъ употребленія этой формы прош. сложнаго (2 л. ед.) съ количествомъ случаевъ употребленія соотвѣтственной формы аориста, то явный перевѣсъ окажется на сторонѣ первой формы. Перечислимъ всѣ, по возможности, случаи той и другой формы.

2 л. ед. ч. прошедш. сложн.

Мѹ. 8₂₉ пришелъ еси (ἦλθες — venisti) сѣмо прѣжде крѣмене мѣнитъ насъ.

Мѹ. 11₂₅ іспокѣдаѣ ти сѣ отъче гѣ небоу и земли, ꙗко оутанилъ еси (ἐκρύψας — abscondisti) се отъ прѣмѣдрѣхъ и разоумныхъ і ꙗвилъ ꙗ еси (ἀπεκάλυψας — revelasti) младенцемъ.

Мѹ. 13₂₇ гѣ. не добро ли сѣмѣ сѣлъ еси (ἐσπειρας — seminasti) на сѣлѣ твоѣмъ.

Мѹ. 15₅ іже колижѣдо речетъ отцю ли матери даръ, іже колижѣдо отъ мене пользевалъ сѣ еси (ὠφελήθης — proderit).

Мѹ. 20₁₂ како сѣмъ послѣдѣнѣмъ... равны намъ сѣтворилъ ѣ еси (ἐποίησας — fecisti).

Мѹ. 21₁₆ ꙗко изъ оустъ младѣнечъ и сѣсѣштитѣхъ сѣкрѣшилъ еси (κατηγόισω — perfecisti) хвалѣ.

Мѹ. 25₂₀ ГЛА. ГИ ПАТЬ ТАЛАНЪТЪ МИ ЕСИ ПРѢДАЛЪ (παρέδωκας — tradidisti).

Мѹ. 25₂₂ рече. ГИ Б ТАЛАНЪТА МИ ЕСИ ПРѢДАЛЪ (παρέδωκας — tradidisti).

Мѹ. 25₂₄ ЖИНА ИДЕЖЕ НѢСИ СѢЛАЪ (ἔσπειρας).

Мѹ. 26₅₀ рече емоу. ДРОУЖЕ НА НЕЖЕ ЕСИ ПРИШЕЛЪ (πάρει — venisti).

Мѹ. 27₄₆ ГЛА... БЖЕ МОН БЖЕ МОН ВЪСКЖИЖ МА ЕСИ ОСТАВИЛЪ (ἐγκατέλιπες — dereliquisti).

Мр. 1₂₄ ОСТАНИ ЧТО ЕСТЬ НАМЪ И ТЕБѢ. ІСѢ НАЗАРѢННИНЕ ПРИШЕЛЪ ЕСИ (ἦλθες — venisti) ПОГОУБИТЪ НАСЪ.

Мр. 7₁₁ РЕЧЕТЪ ЧЛКЪ ОТЦОУ ЛИ МАТЕРИ КОРВАН: ЕЖЕ ЕСТЬ ДАРЪ. І ЕЖЕ АШТЕ ОТЪ МЕНЕ ПОЛЪЗЕВАЛЪ ЕСИ (ὠφεληθῆς — profuerit).

Лк. 1₄ ДА РАЗОУМѢШИ О НИХЪ ЖЕ НАОУЧИЛЪ СЯ ЕСИ (κατηχήθης — eruditus es) СЛОВЕСЕХЪ ОУТВѢРЖДЕННЕ,

Лк. 2₃₁ ЕЖЕ ЕСИ ОУГОТОВАЛЪ (ἡτοίμασας — parasti) ПРѢДЪ ЛИЦЕМЪ ВЪСѢХЪ ЛЮДИН.

Лк. 4₃₄ ОСТАНИ ЧТО ЕСТЬ НАМЪ И ТЕБѢ ІСѢ НАЗАРѢННИНЕ. ПРИШЕЛЪ ЕСИ (ἦλθες — venisti) ПОГОУБИТЪ НАСЪ.

Лк. 10₂₁ ИСПОВѢДАИЖ ТИ СЯ ОТЧЕ ГИ НБСЕ И ЗЕМЛА. ЪКО ОУТАИЛЪ ЕСИ (ἀπέκρυψας — abscondisti) СЕ... І ОТЪКРЫ (ἀπεκάλυψας — revelasti) СИ МЛАДЕНЬЦЕМЪ.

Лк. 7₄₃ ПРАВѢ СЖДИЛЪ ЕСИ (ἔκρινας — judicasti).

Лк. 11₂₇ рече емоу. БЛАЖЕНОЕ ЧРѢКО НОШѢШЕ ТЯ. І СЪСѢЦА ЪЖЕ ЕСИ СЪСАЛЪ (ἐθήλασας — suxisti).

Лк. 13₂₆ НАЧЫНЕТЕ ГЛАТИ... НА РАСПЖТНИХЪ НАШИХЪ ОУЧИЛЪ ЕСИ (ἐδίδαξας — docuisti).

Лк. 15₂₉ рече... МЫНѢ НИКОЛИЖЕ НЕ ДАЛЪ ЕСИ (ἔδωκας — dedisti) КОЗЬЛАТЕ.

Лк. 16₂₅ ПОМѢНИ ЪКО ВЪСПРИИЛЪ ЕСИ (ἀπέλαβες — recepisti) ТЫ.

Лк. 18₂₂ рече емоу. ЕЩЕ ЕДИННОГО НЕ ДОКОНЪЧАЛЪ ЕСИ (σοὶ λείπει — tibi deest).

Іо. 3₂ ВѢМЪ ЪКО ОТЪ БА ПРИШЕЛЪ ЕСИ (ἐλέλυθας — venisti) ОУЧИТЕЛЪ.

Іо. 4₁₈ ПАТЬ БО МЖЖЪ ИМѢЛА ЕСИ (ἔσχες — habuisti).

Іо. 8₅₇ РѢША ЖЕ... АВРАМА ЛИ ЕСИ ВИДѢЛЪ (έώρακας — vidisti).

Іо. 9₃₄ РѢША ЕМОУ. ВЪ ГРѢСѢХЪ ТЫ РОДИЛЪ СЯ ЕСИ (ἐγεννήθης — natus es) ВСЕХЪ.

Іо. 9₃₇ рече же емоу ІС. ВИДѢЛЫ И ЕСИ (έώρακας — vidisti).

Іо. 16₃₀ О СЕМЪ КѢРОУЕМЪ ЪКО ОТЪ БА ИШЕЛЪ ЕСИ (ἐξῆλθες — existi).

Ю. 17₂ ꙗко же далъ емоу еси (ἔδωκας — dedisti) власть да вѣсѣко еже еси емоу далъ (δέδωκας — dedisti) дастъ имъ.

Ю. 17₄ дѣло съврѣшихъ. еже далъ еси мѣнѣ (δέδωκας — dedisti). 17₆ вѣнхъ имѣ твое члвкъмъ. ѿже далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ отъ мира... твои бѣша и мѣнѣ ѿ далъ еси (ἔδωκας — dedisti). 17₇ разоумѣша ꙗко вѣсѣ елико далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ отъ тебе сѣтъ. 17₈ ꙗко глаголю ѿже далъ еси мѣнѣ (δέδωκας — dedisti). 17₉ нъ о тѣхъ ѿже далъ еси мѣнѣ (δέδωκας — dedisti), 17₁₁ съблюдѣ ѿ въ имѣ твое, ѿже далъ еси мѣнѣ (δέδωκας — dedisti). 17₁₂ ѿже далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ съхранѣхъ. 17₂₂ ꙗ азъ слава ѿже далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ дахъ имъ. 17₂₄ оуѣ ѿже далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ хощѣ да видѣтъ слава моя ѿже далъ еси мѣнѣ (δέδωκας — dedisti).

Ю. 17₂₃ да разоумѣетъ миръ ꙗко ты мѣ посла. ꙗ възлюбилъ ѿ еси (ἠγάπησας — dilexisti). ꙗко же и мѣ възлюбилъ еси (ἠγάπησας — dilexisti). 17₂₄ ꙗко възлюбилъ мѣ еси (ἠγάπησας — dilexisti). 17₂₆ скажѣ да любѣ ѿже мѣ еси възлюбилъ (ἠγάπησας — dilexisti) въ нихъ бѣдетъ.

Ю. 18₉ рече. ꙗко ѿже далъ еси (δέδωκας — dedisti) мѣнѣ не погубѣхъ.

Ю. 18₃₅ что еси сотворилъ (ἐποίησας — fecisti).

Ю. 20₁₅ рече емоу гн. аште ты еси възмѣ (ἐβάστασας — sustulisti). повѣждѣ мѣнѣ кѣде и еси положилъ (ἐθήκας — posuisti).

2 л. ед. ч. аориста.

Мѣ. 26₂₅ гла емоу ты рече (Σὺ εἶπας — Tu dixisti).

Мѣ. 26₆₄ гла имъ нсѣ ты рече (Σὺ εἶπας — tu dixisti).

Мр. 11₂₁ виждѣ смоковница ѿже проклатъ (κατηράσω — maledixisti) оустне.

Мр. 12₃₂ добръ оучителю въ истинѣ рече (εἶπας — dixisti).

Мр. 15₃₄ бже бже мои вѣскжѣ мѣ остави (ἐγκατέλιπες — dereliquisti).

Лк. 7₄₄ вѣнидѣ въ домъ твои. воды на нозѣ мои не дастъ (ἔδωκας — dedisti); 7₄₅ лобѣзаниѣ мѣнѣ не дастъ (ἔδωκας — dedisti); 7₄₆ олъемъ главы моеѣ не помаза (ἦλειψας — unxisti).

Лк. 10₂₁ (см. выше) ꙗ отъкры (ἀπέκρυψας — abscondidisti).

Лк. 12₂₀ въ сѣхъ нощѣ дшѣ твоѣхъ истѣзѣхъ отъ тебе, ꙗ ꙗже оуготова (ἠτοίμασας — parasti) комоу бѣдѣхъ.

Лк. 15₃₀ егда же снѣ твои съ... приде... закла (ἐθύσας — occidisti).

Лк. 19₁₇ БЛАГЪ РАБЕ И ДОБРЪ, ЪКО О МАЛЪ КЪРЕНЪ БЫСТЪ (ἐγένου — fuisti).

Лк 19₄₄ І НЕ ОСТАВАТЪ ВЪ ТЕБѢ КАМЕНЕ НА КАМЕНИ. ПОНЕЖЕ НЕ РАЗОУМѢ (ἔγνως — cognoveris) ВРѢМЕНЕ ПОСѢЩЕННЮ ТВОЕМОУ.

Лк. 20₃₉ ОУЧИТЕЛЮ ДОБРѢ РЕЧЕ (εἶπας — dixisti).

Лк. 24₁₈ ТЫ ЛИ ЕДИНЪ ПРИШЕДЪ ЕСИ ВЪ ІМЪ. І НЕ ЧЮ (ἔγνως — cognovisti).

Іо. 4₁₇ ГЛА ЕИ НСЪ ДОБРѢ РЕЧЕ (εἶπας — dixisti).

Іо. 5₁₄ СЕ ЦѢЛЪ БЫСТЪ (γέγονας — factus es) К ТОМОУ НЕ СЪГРѢШАИ.

Іо. 11₄₁ О҃ТЧЕ ХВАЛЖ ТЕБѢ КЪЗДАЖ. ЪКО ОУСЛЫША МА (ἤκουσας — audisti).

Іо. 14₉ НЕ ПОЗНА (ἔγνωκας — cognovistis) ЛИ МЕНЕ ФИЛИПЕ.

Іо. 17₂₃ ЪКО ТЫ МА ПОСЛА (ἀπέστειλας — misisti).

Причина такого предпочтительнаго употребленія формы прошедшаго сложн. (2 л. ед. ч.) вмѣсто формы аориста заключается очевидно въ томъ, что форма 2 л. ед. ч. аориста была въ славянскихъ языкахъ тождественной съ формой 3 л. ед. ч. аориста и потому употребленіе ея могло часто приводить къ недоразумѣніямъ — она не являлась достаточно ясной. Обратимъ вниманіе на вышеуказанные случаи употребленія этихъ формъ; форма аориста встрѣчается или рядомъ съ формой прошедш. сложнаго (или иной формой глагола, вполнѣ опредѣляющей лицо и число: Мр. 11₂₆, Лк. 10₂₁, Лк. 24₁₈, Іо. 5₁₄), или въ соединеніи съ личнымъ словомъ *ты*: Мѡ. 26_{25, 64}, Іо. 17₂₃; со звательной формой имени: Мр. 12₃₂, Мр. 15₃₄, Лк. 19₁₇, Лк. 20₃₉, Іо. 11₄₁, Іо. 14₉; — вообще тамъ, гдѣ лицо и число уже достаточно опредѣлены контекстомъ фразы: Лк. 7_{44, 45, 46} (твой), Лк. 12₂₀ (твое... отъ тебе), Лк. 15₃₀ (твой), Лк. 19₄₄ (въ тебѣ... твоему).

Такое взаимоотношеніе этихъ двухъ формъ указываетъ намъ на такую эпоху въ исторіи языка, когда идетъ борьба между двумя одновременно существующими формами — старой (2 л. ед. ч. аор.) и новой (2 л. ед. ч. прош. сложн.), причемъ побѣда явно склоняется на сторону новой формы, — старая находится въ стадіи вымиранія. Здѣсь, повидимому, мы можемъ наблюдать начало процесса постепеннаго вытѣсненія аориста формами прошедшаго сложнаго, процесса, совершившагося разновременно въ различныхъ славянскихъ языкахъ и или уже приведшаго къ полному исчезновенію простыхъ прошедшихъ, какъ въ языкахъ русскомъ, чешскомъ, словацкомъ, сербо-лужицкомъ, или ведущаго къ этому, какъ въ языкѣ сербо-хорватскомъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ остальными формами аориста. Очевидно, въ языкѣ славянскаго перевода Евангелія они являются еще вполнѣ жизненными. Для формъ двойственнаго числа, для 1-го л. множ. ч. мы не можемъ указать ни одного

случая замѣны ихъ формами прошедшаго сложнаго. Прочія формы аориста лишь очень рѣдко замѣняются формами прошедшаго сложнаго: 1 л. ед. ч. — 2 раза, 3 л. ед. ч. — 20 разъ, 2 л. мн. ч. — 12 разъ, 3 л. мн. ч. — 2 раза. Уже поэтому надо думать, что причина появленія послѣднихъ совершенно иная.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая эти случаи, мы замѣчаемъ, что всѣмъ имъ свойственъ особый оттѣнокъ значенія, оттѣнокъ сомнѣнія, неувѣренности въ дѣйствительности факта, или по крайней мѣрѣ неопредѣленности, поэтому очень часто мы встрѣчаемъ ихъ при передачѣ чужихъ словъ.

Такія выраженія, какъ (1 л. ед. ч.) Мѹ. 19₂₀ *чесо есмъ еште не доконьчалъ* (τί ἔτι ὄσπερ, — quid adhuc mihi deest), или (2 л. мн. ч.) *нѣсте ли чѣли* — Мѹ. 12₃₅, 19₄, 21_{16,42}. Мр. 2₂₅, 12₂₆, или *есте чѣли* — Мр. 12₁₀, Лк. 6₃ (οὐκ ἀνέγνωτε — non legistis), носятъ характеръ просто риторическаго вопроса.

Оттѣнокъ сомнѣнія слышится въ такихъ выраженіяхъ — (1 л. ед. ч.) Лк. 19₈ *аште есмъ кого чимъ обидѣлъ* (ἐσυκοφάντησα — defraudavi). *възкрашъ*; (3 л. ед. ч.) Лк. 23₃₅ *глаголюще... инъ естъ съпасъ* (ἔσωσεν — salvos fecit), Мѹ 12₂₆ *аше сотона сотонъ изгонитъ на сѧ раздѣлилъ сѧ естъ* (ἐμερίσθη — divisus est). Іо. 6₄₆ *не ꙗко отъца видѣлъ естъ* (ἑώρακεν — vidit); (3 л. мн. ч.) Мр. 8₃ *ослабѣхъ на нѣти. друзѣи бо нхъ изъ далече сѣхъ пришѣли* (ἤκασι — venerunt), Лк. 19₁₅ *да оувѣстъ какъ коунахъ сѣхъ сътворили* (διεπραγματεύσαντο — negotiatus esset).

Отрицаніе факта: (3 л. ед. ч.) Мѹ. 24₂₁ *скръвь велиѣ. ꙗка же нѣстъ была* (οὐ γέγονεν — non fuit), Мр. 5₃₉ *глаголюще имъ... отроконица нѣстъ оумръла* (οὐκ ἀπέθανεν — non est mortua), Лк. 8₅₂ *рече... нѣстъ оумръла* (οὐκ ἀπέθανεν — non est mortua), Мр. 11₂ *на нѣже нѣстъ не оу никтоже отъ чѣкъ въсѣлъ* (κεκάθειεν — sedit), Іо. 7₄₆ *отъвѣшташъ слоугы. николи же тако естъ глаголюще чѣвкъ* (ἐλάλησεν — locutus est), Іо. 8₄₀ *сего авраамъ нѣстъ сътворилъ* (ἐποίησεν — fecit).

Неопредѣленность времени: (3 л. ед. ч.) Мѹ. 19₄ *сътвори нскони мужескъ полъ и женескъ сътвори н ꙗ естъ* (ἐποίησεν — fecit), Мр. 10₆ *отъ начала съзъданию. мужа и женъ сътвори н ꙗ естъ бѣ* (ἐποίησεν — fecit), Мр. 10₉ *еже оубо бѣ съчета н естъ* (συνέζευξεν — coniunxit), Мр. 14₈ *Барна естъ* (προέλαβεν — praevenit) *похризмити тѣло*, Лк. 1₅₈ *сѣишашъ... ꙗко възвелъ естъ* (ἐμεγάλυνεν — magnificavit), Лк. 1₇₈ *милосѣрдѣи ради бѣ нашего. въ нхъ же посѣтилъ естъ* (ἐπεσκέψατο — visitavit) *насъ въстокъ съвѣше*, Лк. 11₄₀ *не нже естъ сътворилъ* (ὁ ποιήσας — qui fecit) *вънѣшныи. ꙗ вънѣшныи сътвори*, Лк. 20₂₈ *глаголюще*

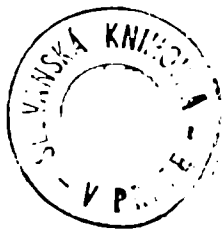
...мѡси написалъ естъ (ἔγραψεν — scripsit), Лк. 24₂₉ глѣжшта
...прѣклонилъ сѧ естъ (κέκλικεν — inclinata est) юже день, Іо. 7₃₁
хъ егда придетъ еда больша знаменнѣ сътворитъ. ꙗже сѧ естъ
сътворилъ (ἐποίησεν — facit).

Довольно неясной оказывается причина появления формы
прош. сложн. въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: Іо. 12₄₀ ослѣпи
очи ихъ. ꙗ окамѣнилъ естъ (ἐπόρωσεν — induravit) срѣца ихъ, и
Іо. 6₂₆ штеете мене не ꙗко видѣсте знамение. нъ ꙗко ꙗли есте
(ἐφάγετε — manducastis) хлѣбы и насытитестѧ сѧ. Въ послѣднемъ
случаѣ можетъ быть справедливо предположеніе проф. А. Meillet,
что форма прош. сложнаго употреблена съ цѣлью избѣжать
совпаденія формы 2 л. мн. аор. съ соотвѣтственной формой наст.
вр. (пастѣ) стр. 92.

Обратимъ вниманіе на то, что значеніе неопредѣленности
сохраняють формы прошедшаго сложнаго въ современномъ бол-
гарскомъ языкѣ. Въ статьѣ г. Ю. Трифонова „Синтактични бѣ-
лѣжки за съединението на минало дѣйствително причастие съ
глагола *сѣмъ* въ ново-българския езикъ“ (Периодическо списание,
кн. LXVI, стр. 155 и сл.) излагается вопросъ объ употребленіи
формъ прошедшаго сложнаго въ современномъ болгарскомъ языкѣ
и исторія ихъ постепеннаго развитія. Авторъ такъ формулируетъ
правила употребленія этихъ формъ: (стр. 190) „За да се изтъкне,
че говорительтъ прѣдава разказваното по слухъ, въ българския
езикъ се употрѣбаватъ особени съединения, които се получаватъ
отъ обикновенитѣ глаголни форми и съединения, като се замѣнятъ
личнитѣ форми... съ минали причастия... и за 1-во и 2-ро лице,
а съвсѣмъ рѣдко и за 3-то се притури и спомаг. глаголтъ *сѣмъ*“. Напр.
(стр. 166) „ето довеждатъ при мене единъ чилѣкъ, който ми при-
казва, че синътъ ми пѣрвороденъ *умрѣлъ* въ бой... че азъ съ
своята клѣтва *сѣмъ го вкаралъ* въ бой“. — Ако... Мооръ да
прѣдаваше дѣйствия, които самъ е видѣлъ, щѣше да рече: синътъ
ми пѣрвороденъ *умрѣ* въ бой... азъ съ своята клетва го *вкарахъ*
въ бой. Или „Вие *сте пращале* да ме викатъ, графе? Чудно ми
е!“ Но г. Трифоновъ указываетъ примѣры употребленія формъ
прошедш. сложнаго и въ болѣе старыхъ памятникахъ болгарскаго
языка, напр. въ Троянской притчѣ (стр. 172): и рече калкашь попъ:

зане агамеъ црѣ рѣжеоуша попа дѣщере възла, а рѣжеоушь
попъ сн ѡстѣ тебеоуха кѣга. и рекъ ѣ тебе оу богъ...“ Рассмотрѣнные
нами выше примѣры употребленія прош. сложн. въ такомъ же
значеніи въ языкѣ перевода Евангелія, повидимому, указываютъ,
что это значеніе начало развиваться уже въ древне - болгарскомъ
языкѣ.

Такимъ образомъ, рассмотрѣніе указанныхъ случаевъ упо-
требленія формъ прошедшаго сложн. въ первоначальномъ пере-
водѣ Евангелія приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. форма 2. л. ед. ч. прош. сложн. вытѣсняла соотвѣтствующую форму аориста, какъ недостаточно ясную и допускавшую возможность недоразумѣній;

2. формы 1. и 3. лл. ед. ч. и 2. и 3. лл. мн. ч. прош. сложн. являются въ замѣнъ соотвѣтствующихъ формъ аориста лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выразить оттѣнокъ сомнѣнія, неувѣренности въ точности высказываемаго или вообще неопредѣленности.

Братислава, іюль 1925 г.

ANNALES DE LA FACULTÉ DE PHILOSOPHIE
DE L'UNIVERSITÉ KOMENSKÝ-BRATISLAVA
(Tchécoslovaquie).

IIIème Année.

No 32. (6.)

Valère Pogorélov
professeur à l'Université de Bratislava.

OBSERVATIONS SUR LES TRADUCTIONS
PALÉOSLAVES.

I. DE L'INFLUENCE LATINE DANS LA TRADUCTION
DE L'ÉVANGILE.

La confrontation de la traduction slave de l'Evangile (Saint Marc) et des textes grec et latin permet de conclure que le traducteur a été quelque peu influencé par la Vulgate latine. Cette thèse est corroborée: *a)* par l'emploi de mots empruntés au latin, p. ex. *luna*; *b)* par la conservation, en divers lieux, de synonymes latins pour exprimer un seul et même mot grec, par ex. *κώμη* — *vicus et castellum* — slav. *viši* et *gradiči*; *c)* par l'imitation de l'expression latine dans la traduction d'un seul mot grec par deux mots latins, par ex. *εὐχαριστήσας* — *gratias agens* — sl. *chvala vŭzdavŭ*.

L'influence du texte latin s'étend également au domaine des formes: *a)* un adjectif remplaçant un participe, par ex. *ἰσχύοντες* — *sani* — *sŭdravii*; *b)* un adjectif au lieu d'un substantif, par ex. *τῷ Ἰορδάνῃ ποταμῷ* — *Jordanis flumine* — *iordanŭscēi rēcē*; *c)* un pronom tenant lieu de toute une locution grecque, par ex. *τὰ παρ' αὐτῆς πάντα* — *omnia sua* — *vŭše svoe*, *ἐν ἀλλήλοις* — *inter vos* — *meždju sobojā*; *d)* un verbe auxiliaire, non existant dans le texte grec, venant s'intercaler: *οἱ μετ' αὐτοῦ* — *qui cum illo erant* — *iže bēachā sŭ nimŭ*, *ἐσώζοντο* — *salvi fiebant* — *sŭpaseni byvaachā*; *e)* le changement des temps des verbes (à la place du présent du texte grec nous trouvons le parfait ou l'imparfait): *ἐκβάλλει* — *expulit* — *izvede*, *ἔξεστιν* — *licebat* — *dostoēše*. Parfois toute une tournure de phrase est plus proche du latin que du grec: *ὁ κακολογῶν* — *qui maledixerit* — *iže zŭloslovitŭ*, *ὥστε μηκέτι αὐτὸν δύνασθαι* — *ut iam non posset* — *ēko kŭ tomu ne možaaše*, *διὰ τὸ μὴ ἔχειν* — *quod non habebat* — *zane ne imēaše*.

On peut admettre de même que certaines variantes du texte ont été empruntées à la Vulgate, par ex.: *αὐτός* Mr. 12₃₆ = *ipse enim* — *tŭ bo*, Mr. 12₃₇ = *ipse ergo* — *samŭ ubo*.

Ces vestiges de l'influence de la Vulgate dans une traduction, faite indubitablement d'après le texte grec, ne peuvent être expliqués que de la manière suivante: l'un des traducteurs — probablement un Slave occidental, à qui la langue latine était familière — s'est servi de la Vulgate comme d'un auxiliaire.

II. DE L'EMPLOI DES FORMES DU PASSÉ COMPOSÉ DANS LA TRADUCTION SLAVE DE L'ÉVANGILE.

Le traducteur slave du texte de l'Évangile veillait à ce que les formes du verbe grec fussent exprimées par des formes correspondantes du verbe slave: l'imparfait grec par l'imparfait slave, l'aoriste (et le parfait) grec par l'aoriste slave. Cependant il se rencontre des cas où les formes du passé composé sont employées au lieu de celles de l'aoriste.

L'examen de tous ces cas nous démontre, que la forme la plus employée est celle de la 2-ème personne du singulier; l'emploi en est même considérablement plus fréquent que celui de la forme correspondante de l'aoriste (dans la relation de 50 à 20); cela s'explique par le fait, que cette forme, coïncidant phonétiquement avec la forme de la 3-ème personne de singulier de l'aoriste, avait déjà perdu de sa précision; c'est pourquoi nous ne la trouvons que dans les cas où la signification de la 2-ème personne du singulier est déjà nettement démontrée par quelque autre expression. Nous voyons donc que la forme de la 2-ème personne du sing. de l'aoriste tend à être expulsée par la forme de la 2-ème personne du sing. du passé composé.

Les autres formes du passé composé s'emploient beaucoup plus rarement (1-ère personne du sing.: 2 fois; 3-ème personne du sing.: 20 fois; 2-ème personne du pluriel: 12 fois; 3-ème personne du pluriel: 2 fois) et ce n'est que lorsque cette expression doit prendre une nuance de doute, d'incertitude ou en général, un sens indéfini.

Ce sens indéfini, qui, en conséquence, a son origine dans l'ancien bulgare, est conservé dans le bulgare moderne, lequel l'emploie même plus souvent.